

ДЕТСКАЯ и ЮНОШЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

издание
критико-библиографического института 1933 г.

12
ДЕКАБРЬ

ДОШКОЛЬНЫЙ И МЛАДШИЙ ВОЗРАСТЫ

ЧЕХОВ — ДЕТЯМ

М. Елизарова

Оценка оформления А. Васильева

ЧЕХОВ, А. П.

Каштанка. Рис. А. Брея.—(М). ОГИЗ. «Мол. гвардия». 1933. 61 стр. 50 к. 100 000 экз.

Младший. Средний.

Первый вопрос, который напрашивается у каждого, кто знакомится с данным изданием «Молодой гвардии», — это вопрос: чем руководствовало издательство, соединяя в одно три чеховских рассказа: «Каштанка», «Белолобый» и «Налим»?

Если даже брать за основу внешне-тематический принцип, то и в этом случае вряд ли кому-нибудь придет в голову причислять «Налима» к тому же тематическому циклу, что «Каштанку» и «Белолобого».

Такое соединение режет слух как фальшивая нота.

Хорошее начинание — использовать как можно шире для детей такого мастера рассказа, как Чехов — в значительной мере утрачивает свою ценность, ибо книжка в целом оставляет впечатление глубокой внутренней неорганизованности.

Здесь речь идет не о том, что «Налим» сам по себе не может быть дан детям. Эта яркая жанровая сценка — один из шедевров Чехова. Рассказ может быть и доступен и интересен ребятам, но, разумеется, в другой связи.

Среди чеховских тем весьма большое место (и количественно и идейно) занимает тема реакции на новое впечатление жизни, на новый мир, в который попадает его герой, вырванный вдруг из привычной и родной ему среды. Для Чехова эта тема не является случайной. Его творчество отразило процесс капиталистической ломки жизни, и в этом процессе особое внимание художника привлекают те, которые становятся жертвой этого процесса, вовлекаются в него помимо своей воли. «Ванька», «Спать хочется», «Злоумышленники», «Тоска» и мн. др. — все это рассказы, трактующие эту тему, рассказы большой социальной направленности, с сильной драматической заостренностью.

Ванька, Варька, Дениска, извозчик Иона — все они вырваны из привычной им обстановки, брошены в новую, чуждую им среду, Чехов показывает мучительность и в то же время бесплодность их реакции на это новое. Ванька пишет письмо «на деревню дедушке», Варька убивает хозяйского ребенка, который не дает ей спать, старик Иона, не видя выхода из своего одиночества, рассказывает своей лошади грустную повесть о смерти сына.

Но нередко ту же тему Чехов берет в несколько иной плоскости, без особой социальной агитировки.

Его вообще глубоко интересует как художника образ того, кто впервые столкнулся с каким-то новым миром, впервые получил новые, еще неиспытанные впечатления. Продолжая линию указанных выше рассказов, мы получим такие рассказы, как «Гриша», «Степь»,

Илл. А. Брея к книжке А. П. Чехова «Каштанка».

«День за городом», «В сарае», «Мальчики» и, наконец, «Каштанка» и «Белолобый».

Здесь та же тема: Гриша первый раз выходит гулять, первый раз видит город, чужих людей; Егорушка («Степь») впервые уезжает из дому в большой город учиться, Каштанка и Белолобый также вдруг, неожиданно вырываются силой каких-то внешних обстоятельств из привычной им среды, также впервые знакомятся с жизнью.

Очевидно, таким образом, что, исходя из тематического принципа (имея в виду внутреннюю тему, а не внешний признак — кто является действующим лицом — животные ли, дети ли и т. д.), «Каштанку» и «Белолобого» следовало бы скорее всего объединить с рассказом «Гриша», если только издательство считало почему-либо невозможным самостоятельное издание этих двух рассказов.

Итак, идейная значимость рассказов «Каштанка» и «Белолобый» раскрывается со всей полнотой в соотношении их к ряду других рассказов Чехова.

Данные рассказы — начальные звенья в ряду произведений писателя, объединенных единой темой — темой столкновения с новым неведомым миром.

И именно этой своей стороной «Каштанка» и «Белолобый» приобретают интерес и значение в качестве детских рассказов. Интерес их не только во внешней занимательности необыкновенных приключений Каштанки, но и в том главным образом, что Чехов дает в них образ того, кто впервые узнает жизнь, знакомится с ее новыми впечатлениями. С удивительной художественной правдивостью и глубиной раскрывает он простую и жизнерадостную, а следовательно, близкую и понятную ребенку реакцию на окружающий мир.

Художественный смысл этих рассказов именно в этой мастерской передаче впечатлений жизни с точки зрения примитивной психологии животных, которым, однако, приписываются человеческие чувства и черты характера. Кот Федор Тимофеевич ненавидит жизнь, в то время как Каштанка приходит в восторг от новых знакомых; гусь Иван Иванович очень общителен и разговорчив, волчица мнительна и т. д.

Чеховская манера письма делает его рассказы особенно доступными для детей. Один из основных художественных приемов Чехова — зарисовка образов с помощью нескольких штрихов. Чехов не перегружает воображение, не дает пространных описаний. Его образ укладывается сразу, прочно и легко. Так, чтобы дать образ гуся, ему достаточно подчеркнуть его манеру говорить «быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно». Так же дан кот, Белолобый, волчица.

Чтобы передать чувство голода у Каштанки, Чехов говорит только, что она поела за день всего два раза: «покушала у переплетчика немного клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожицу».

Но это дает представление о голоде собаки несравненно полнее и ярче, чем если бы пи-

сатель дал подробное описание ее мучений от голода.

К рисункам А. Брея можно предъявить четыре обвинения.

Первым упреком художнику можно поставить неполноту раскрытия литературной ситуации. Рисунок должен раскрывать явление целиком, помогать ориентироваться в описываемой автором обстановке. Каштанка попала в цирк. «Новый мир был велик и полон яркого света...». Художник дает «Мистера Жоржа», наигрывающего перед Каштанкой, и два слегка изогнутых ряда зрителей (стр. 35). Прямого противоречия с текстом нет, но рисунок недостаточен. Молодой читатель не получает из этого рисунка представления о цирке.

Второй недостаток — уродливые изображения людей. О большинстве фигур трудно говорить определенно, настолько они бесформенны, сливаются с общим серым фоном. Столяр дан с безмерно вздувшимся под полушубком животом. Изображение стреляющего Игната относится к тем рисункам, которыми начиная с письма Стецкого в «Молодую гвардию» было дано много вполне справедливых нелестных определений. Такой рисунок говорит об отсутствии самого элементарного уважения к книге и к читателю.

Наконец, третий, самый серьезный недостаток, от которого во многом зависят предыдущие, — расплывчатость, серость, неопределенность форм. Все изображенное на рисунках происходит как бы в тумане. Слов нет, работа кистью и пером на влажной или мокрой бумаге дает часто совершенно неожиданные эффекты и позволяет добиваться большого фактурного разнообразия, но ведь иллюстрация не эксперимент, иллюстрация помимо определенного текста, к которому она относится, предполагает еще определенного читателя.

Брей пренебрег и требованиями текста и интересами читателя. Он совершенно одинаково подходит к изображению персонажей «Белолобого», действующих ночью, в сумерках, и к изображению ярко освещенного цирка или рыбной ловли в солнечный день. Все неопределенно, серо, уродливо.

Такая техника рисунков совершенно лишает их четкости. Вместо определенных форм, персонажи и обстановка характеризуются общими расплывчатыми массами.

Перечисленные недостатки губят иллюстрацию. Несколько хороших рисунков (например, на стр. 19) не спасают положения. Брей мог дать рисунки лучшего качества. Это вполне в его возможностях.